

DOI: 10.15643/libartrus-2018.1.2

Языковая норма в постнеклассической перспективе и теория ускользающего мира

© Е. А. Картушина

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
Россия, 117485 г. Москва, улица Волгина, 6.

Email: eakartushina@gmail.com

В статье затрагиваются социокультурные аспекты функционирования языка. Постнеклассическая парадигма как философско-методологическая основа гуманитарного знания ставит перед социальной лингвистикой вопросы о кодификации языков нормы, языковой рефлексии и ряда других прагматических аспектов функционирования языка. В статье затрагиваются теории ритуализации дискурса под влиянием идеологии. Автор делает попытку рассмотреть парадокс глобализации Э. Гидденса в его применении в социолингвистической теории. В заключении делается вывод о важности функционального описания языка.

Ключевые слова: социолингвистика, постнеклассицизм, языковая норма, язык и идеология, язык и глобализация, язык и культура.

В гуманитарном знании конца XX – начала XXI в. наблюдается как возврат к традиционным теориям, так и появление новых теорий. Это вполне объяснимо – с появлением новых реалий общественной жизни, совершенствованием научно-технического прогресса, нестабильностью социально-экономических формаций возникает желание понять причину и найти обоснование существующим процессам. В ходе данной научной рефлексии заметно не только отрицание традиционных канонов (неоклассицизм), но и стремление понять применимость и неприменимость классических канонов в их преломлении к человеку и социально-культурной реальности.

Именно на рациональном анализе указанных процессов и основывается постнеклассическая перспектива. Примечательно, что, зародившись в русле философии [15] и ставящая во главу угла междисциплинарность исследований, постнеклассическая перспектива стала некоторым объединяющим методологическим принципом во многих отраслях гуманитарного знания.

Стоит отметить, что распространение и популярность постнеклассической парадигмы с ее рациональным подходом к междисциплинарным связям и антропоцентричностью обусловлены не только и не столько недостатком теорий или несоответствия этих теорий современным реалиям, сколько стремлением найти обоснование новым явлениям общественной жизни.

Однако постнеклассическая методология не навязывает себя, стремясь стать господствующей, а лишь предлагает свое рациональное видение существования человека в системе возможностей, определяющих саморегуляцию общественной системы. Постнеклассицизм не полагается слепо на каноны и стандарты классицизма и отнюдь не предполагает отказ от них, как предполагалось философией классицизма, а дает право на существование феноменов и реалий, пытаясь найти рациональную организацию и обоснованием им.

В рамках постнеоклассической парадигмы можно выделить ряд концепций, затрагивающих соотношение языка, культуры и идеологии. Это не случайно, поскольку в рассмотрении последнего вопроса выдвигалось много противоречивых идей и концепций, равно как и определений этих понятий.

Тем не менее в указанных разрозненных концепциях можно увидеть и точки соприкосновения. Общее – это, прежде всего, видение как в идеологии, так и в культуре совокупности определенных материальных и нематериальных артефактов (системы взглядов и концепций), созданных человеком.

Взаимосвязь языка и культуры проявляется и в некоторой степени определяет их общие функции – когнитивную, номинативную, директивную и, в особенности, кумулятивную. По мнению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, именно кумулятивная функция языка является «культуроносной» [5].

Ценности и артефакты культуры аккумулируются в языке, а это влияние взаимообусловленное – единицы культуры «кристаллизируются» в языке, но и сами языковые единицы могут быть значимыми (маркированными) для определенной культуры.

Идеологические концепции, напротив, создаются в отражение современным социально-культурным условиям и призваны выполнить «объединяющую» функцию, отодвигая культурные ценности на второй план. Об этом культурно-замещающем свойстве идеологии упоминается, в частности, в работе С. Г. Тер-Минасовой [21]. С точки зрения исследователя, идеология начинает выполнять объединяющую функцию, а кумулятивная функция культуры отходит на второй план (в силу смены общественно-политического строя, изменения мировоззрений в обществе и ряда других факторов).

Подобную функцию идеология выполняла и в США, что не могло не отразиться в американской языковой политике [16].

Так, наиболее значимой была объединяющая функция идеологии в послевоенное время в Советском Союзе. Это транслировалось в языке, ярким проявлением чего была особая популярность лозунгов, речевых формул, что вполне объяснимо – культурно-замещающая функция идеологии является феноменологической предпосылкой для формализации коммуникации.

Указанная выше формальность в дискурсе указывает, с точки зрения М. Кронгауза, о его ритуализации. Данный термин был введен М. Кронгаузом [12, с. 12–20] и подразумевает особый статус изменений в языке. Ритуализированный язык в большей степени политизирован и наиболее присущ тоталитарным сообществам. Нельзя не согласиться с мнением исследователя, что ритуализированные дискурсивные формулы отличаются небольшой информативностью или ее полным отсутствием [12, с. 56], поскольку основная цель ритуала дискурсивных практик – это не передать информацию, а проверить лояльность членов общества существующей идеологии.

Данная теория ритуализации дискурса имеет и теоретическую значимость, поскольку, как отмечается [4, с. 10], именно при высокой степени ритуализации дискурса (под влиянием идеологии) возможна и обратная связь – влияние дискурса на язык: отдельные черты языка изменяются в зависимости от условий и целей его употребления.

С нашей точки зрения, подобного рода обратное влияние дискурса на язык обусловлено распространением, рекуррентностью заданных идеологией ситуаций. Не случайно речевые

клише, возникшие в определенный период высокой степени ритуализации дискурса, обозначаются как идеологические [3, с. 467].

Дискурсивно-коммуникативные практики ритуализированного дискурса становятся настолько многочисленными, что закрепляются в языке и продолжают функционировать в обиходном сознании как образец, даже если сама коммуникативная ситуация уже является устаревшей. Например, те клише, которые возникли в советское время, знакомы юному поколению и употребляются по сей день – например, *чувство глубокого удовлетворения, цивилизованная страна, слуги капитала, мировая закулиса*. В некоторых случаях связь с источником может утрачиваться, что указывает на определенную степень фразеологизации этих речевых формул.

Закрепление в языке ритуализированных речевых формул обусловлено, очевидно, кумулятивной функцией языка, которая, будучи культурно-значимой, является произвольной и при этом саморегулирующейся, в то время как объединяющая функция идеологии, напротив, является форсированной и обусловленной, призванной отстаивать интересы определенной социальной группы (руководящего социального класса, политической элиты).

В этом и состоит наибольшее отличие культуры от идеологии в их преломлении в языке – идеология формируется с целью навязывания интересов социальных обществ, групп, в то время как культура создается человеком и формирует ценности, которые не связаны с интересом определенного класса или группы. Это и позволяет культуре выполнять ту функцию, которая связывает ее с языком – функцию передачи ценностей от одного поколения другому. Именно эта независимость от интересов, в частности элиты или правящих классов, и позволяет выполнять культуре еще и ее протекционистскую функцию – конструировать идентичность, формировать чувство принадлежности среди разделяющих ценности данной культуры и пользующихся определенным языком.

Говоря о преломлении идеологии в языке, чаще всего используется термин «отражение» идеологии в языке [1]. Речь не идет о социальном конструировании, принципе языкового детерминизма, заключающегося в выделении главенствующей функции языка при формировании сознания. Более того – именно отражение идеологии в языке может дать исследователям ключ к пониманию доминирующих парадигм в обществе [16, 23].

Однако в ходе навязывания посредством влияния идеологии на язык определенных стереотипов, принципов, образа мышления и/или стиля поведения культурные ценности не могут уйти бесследно, поскольку функция транслирования ценностей имманентна культуре.

Тем не менее при рассмотрении идеологического компонента в языке можно встретить точку зрения о давлении идеологии на язык. Согласно данному подходу, язык является продуктом идеологии, влияния политики – всех совокупностей тех идеологических предпосылок, которые мешают естественному развитию языка [4, 6, 9, 10, 22].

Движущая сила идеологии может уже отойти на второй план, а заданные идеологией стереотипы продолжают и дальше существовать *par excellence*. В тот момент, когда влияние идеологии наиболее сильно, происходит совмещение идеологических феноменов и культурных ценностей. Это приводит к прагматической интерференции: содержание и смыслы абсолютно различных противоположных семантических универсумов смешиваются, и в долгосрочной перспективе культура остается в тени идеологии. В самом худшем случае при долгом, десятилетиями продолжающемся влиянии идеологии, совершенно меняется культурный код.

В этом случае и язык перестает выполнять свою функцию трансляции культурных ценностей между поколениями.

Рефлексия в научном гуманитарном знании в отношении идеологии, возникшей в период глобализации, априори предполагает создание в рамках определенной идеологии и последующее распространение определенных универсальных реалий. Однако этот процесс не является линейным и предсказуемым, поскольку – как это и предполагает философия постнеклассицизма – в структуре определенной социальной формации сталкивается со множеством компонентов, относящихся к категориям «глобального», «локального», «национального», «культурного» и «идеологического».

По всей вероятности, именно эта множественность компонентов в переплетении «глобального» и «идеологического» становится основой для так называемого «парадокса глобализации», сформулированного Э. Гидденсом [25] и заключающегося в том, что глобализация как унифицирующий феномен впоследствии должна привести к предсказуемости мира, сделать его более «ожидаемым», но вместо этого мир не становится предсказуемым, он «ускользает», и возможность описать процессы и явления в глобализующемся мире становится все более и более проблематична.

Другая закономерность, которую выделяет исследователь – это быстрота изменений традиций в современном мире под влиянием глобализации. Но при этом, в некотором роде оправдывая данную тенденцию, автор отмечает, что традиции любого общества весьма и весьма условны и зачастую обусловлены лишь определенными практическими причинами.

Однако тут стоит иметь в виду, что идеология в эпоху глобализации идет не только «сверху», но и «снизу», при этом оба этих идущих друг к другу вектора движутся параллельно, часто конфликтуя. Если в рамках традиционного подхода к идеологии она рассматривалась как система взглядов и идей, выражающих интересы определенного общества, социальных классов и групп (как правило, элиты или социально-господствующего класса), то каждая из этих отдельно взятых идеологий социального класса или группы рассматривалась отдельно от других.

Отличие же идеологии глобализации состоит в ее представленности не только в горизонтальной плоскости (с учетом охвата глобализацией разных стран, культур и общностей), но и в вертикальной, а именно – в ее охвате на уровне не только экономически-заинтересованных в глобализации слоев населения, но и формировании под влиянием идеологии определенной системы взглядов, идей и ценностей в разных социальных группах. Именно это, возможно, и вызывает смешение социальных групп, культурных артефактов, появление новых социальных групп и институтов.

И тут мы вновь сталкиваемся с проявлением вышеупомянутого противоречия глобализации Э. Гидденса о непредсказуемости ожидаемо-предсказуемого глобализованного мира: появление унифицированных, навязываемых социальной идеологией шаблонов не приводит к предсказуемости и понятности общества или даже унифицированию его структуры. Напротив, общественные институты и социальная стратификация становятся все более непредсказуемыми, чем когда-либо. Мир не становится предсказуемым, он ускользает.

Теория Э. Гидденса в социологии приобрела достаточную популярность, но в то же время она помогает объяснить и ряд некоторых вопросов о соотношении языка и глобализации как идеологического феномена.

Европейские языки (и не только) подвергаются изменениям – меняется отношение к языковой норме, преуменьшается степень языковой лояльности, на территории определенных государств появляются новые языки – и это лишь некоторые изменения.

При этом, несмотря на то что в лингвистике была достаточно разработанной теория многоязычия, и в целом изменение языкового ландшафта и степень взаимовлияния языков – это не новые процессы в лингвистическом описании, тем не менее представляется сложным обозначить причины этих изменений и делать прогнозы на основе описания существующих социолингвистических данных. Именно это и подразумевается под парадоксом глобализации, сформулированным Э. Гидденсом.

Появляются новые социальные классы, более закрытые и более враждебные в отношении других, что соответственно приводит к появлению новых социолектов и представляет интерес для социолингвистических исследований.

Возникают новые наименования социальных институтов, что указывает на отказ от тех институтов, которые традиционно существовали в данном обществе. Это вновь обуславливает интерес исследователей к теории номинации, прагматическому анализу новых лексем.

Упомянутый выше парадокс глобализации также может быть применим и к анализу понятия языковой нормы – в соответствии с междисциплинарностью как одной из категорий философии постнеклассицизма.

Очевидно, что степень строгости, стандартизованности языковой нормы, понимаемой как каноническая правильность (литературного) языка в противовес разговорному и просторечию, становится гораздо меньше, о чем упоминается в работах исследований [11, 12, 18].

Большая степень вариативности языковой нормы может объясняться не только и не столько изменением языка как такового, а многими общественными феноменами, имевшими место в конце XX – начале XXI в. и пришедшими на период становления постнеклассических теорий. В частности, парадокс глобализации Э. Гидденса о непредсказуемости общественных явлений в эпоху глобализации.

Отказ от запретов (детабуляризация), отказ от ставших привычными старых реалий, появление новых реалий в современной жизни, дигитализация произведений классической литературы, увеличение объемов письменного текста с появлением новых технических медиа – вся совокупность этих факторов ведет к изменению, большей степени вариативности языковой нормы.

Языковая норма уже перестает быть определенным каноном, схоластической реальностью, а, напротив, становится в большей степени зависимой от других факторов, а именно – функционального соответствия коммуникативной ситуации [8, 24]. Роль прагматического фактора становится все более важной.

Среди таких функций, предопределяющих изменение языковой нормы, можно выделить:

- 1) Усиление иллокутивной силы речевого высказывания, намеренное усиление экспрессии со стороны отправителя сообщения [2, 7].
- 2) Выбор более престижного варианта языка, в т. ч. и включение в речь говорящего элементов другого языка, принятого как более престижного [14, 20].

Именно это соответствие определенной функции, реализация которой необходима в данной конкретной коммуникативной ситуации, в некотором роде и объясняет отказ от строгости языковой нормы. Повторяемость данных коммуникативных ситуаций может быть обусловлена идеологическими факторами.

Однако хотя это свойство эластичности и вариативности языковой нормы и является тем внутренним свойством, которое обеспечивает ее эволюцию, это создает предельные трудности для кодификации языковой нормы. Социальная вариативность языка, как отмечается в работе Л. П. Красина, требует от исследователя и лексикографа большей работы по фиксации нормативных вариантов в словарях и статистическому анализу языковых данных [13, с. 78].

Постнеклассическая парадигма в языкознании, таким образом, предоставляет исследователям (социо)-лингвистического знания несколько другие методологические параметры исследования языка, а именно – значимость общественных факторов в описании языка, функционировании языка в социо-культурной реальности.

Литература

1. Алпатов В. М. Идеология, выраженная в языке, и политическая лингвистика // *Профиль языка: социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастная стилистика: Сб. трудов к 90-летию со дня рождения А. Д. Швейцера*. М., 2015. С. 21–29.
2. Богданова-Бегларян Н. В. Агрессивный узус, или эволюция языковой нормы // *Верхневолжский филологический вестник*. 2015. №1. С. 25–30.
3. Беликов В. И. Идеолект лексикографа и кодифицируемая им норма // *Актуальные вопросы теоретической и прикладной фонетики: Сб. статей к юбилею О. Ф. Кривновой*. М., 2013. С. 465–466.
4. Валентий Т. В. Язык, идеология, власть: три составляющих сохранения политической стабильности в обществе // *Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество)*. 2005. №2. С. 78–87.
5. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. *Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: Методическое руководство. 4-е изд.* М.: Русский язык, 1990. 246 с.
6. Гуревич П. С. Язык как сокровище идеологии // *Философия и культура*. 2015. №1. С. 7–11.
7. Докучаева Р. М. Языковая норма как средство эффективности речевого воздействия // *23-я годовичная сессия Ученого совета Сыктывкарского государственного университета им. П. Сорокина (Февральские чтения): Сборник материалов*. С. 270–273.
8. Загорская О. В. Языковая норма и норма литературного языка как лингвистические понятия // *Известия Воронежского государственного педагогического университета*. 2016. Т. 2. №2(271). С. 159–167.
9. Иванова Н. С. Язык как “мягкая сила” в современной борьбе идеологий // *Теория и практика иностранного языка в высшей школе*. 2016. №12. С. 61–69.
10. Капушева А. М. Эзопов язык как способ ритуального разрушения советской идеологии в драматургии второй половины XX века // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2017. №3. С. 189–195.
11. Кирилина А. В. Когнитивная наука и новая эпистема гуманитарного знания // *Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство: Сб. в честь Е. С. Кубряковой*. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 65–75.
12. Кронгауз М. А. *Слово за слово. О языке и не только*. М.: Дело РАНХиГС, 2015. 480 с.
13. Крысин Л. П. Кодификация нормы и языковая традиция // *Русский язык в школе*. 2008. №7. С. 77–80.
14. Лалетина А. О. Языковая норма в эпоху глобализации // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2011. Т. 153. №6. С. 219–226.
15. Можейко М. А. Современные социокультурные трансформации и философия постмодернизма: новейшие тенденции философии науки // *Философия науки*. 2016. №7. С. 80–95.
16. Опарина Е. О. Языковая идеология как фактор, влияющий на функционирование языка в современных условиях // *Человек: образ, сущность*. 2017. №1–2. С. 173–184.
17. Скачкова И. Н. Языковая политика и идеология стандартного языка в США // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2015. №2(97). С. 98–104.
18. Скороходова В. Ю. Взаимосвязь социального познания и речевой практики современности // *Ученые записки Российского государственного социального университета*. 2008. №4(60). С. 252–262.
19. Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая реальность // *Вопросы философии*. 2003. №8. С. 5–8.

20. Сыцина-Кудрявцева А. Н. Формирование и трансформация категории «языковая норма» с развитием культуры речи // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. **2011**. №2. С. 92–98.
21. Тер-Минасова С. Г. *Язык и межкультурная коммуникация*. М.: Слово, **2009**. 264 с.
22. Шабаета Т. Н. Язык – это идеология // *Вопросы национализма*. **2016**. №2(26). С. 95–99.
23. Штайн К. Э., Петренко Д. И. *Язык. Языкознание. Идеология: от социализма к российскому капитализму*. Ростов н/Д, 378 с.
24. Чеботникова Т. А. Целесообразность как компонент языковой нормы // *Актуальные проблемы современной науки: Мат-лы международных научно-практических конференций научной сессии. XVII Невские чтения*. **2016**. С. 75–79.
25. Giddens A. *The Runway world. How Globalization is reshaping our lives* // *Taylor and Francis*. **2003**. 146 p.

Поступила в редакцию 08.02.2018 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2018.1.2

Linguistic norm in post-non-classical studies and the runaway world theory

© E. A. Kartushina

*Pushkin State Russian Language Institute
6 Volgin Street, 117485 Moscow, Russia.*

Email: eakartushina@gmail.com

The article devoted to the study of elaborate correlation between language and ideology, language and culture. The author dwells on the shift in the key concept of social and humanitarian studies from a classical standard and language description to the flexibility in the language use and functioning. It is necessary to point out though that despite some similarities in correlation between language and culture on the one side and language and ideology on the other side, there are some differences in the pragmatic perspectives between these categories. The discourse that has been formed under the ideological influence tends to be formal and ritualized to a greater extent than those language structures that have been developed due to culturally consistent processes i.e. connection and transmission between the generations. The author also makes an attempt to apply the paradox of globalization by A. Giddens to social linguistics. The runaway world theory introduced by a British sociologist A. Giddens singles out that the globalizing world does not become predictable as globalization predominates, but, on the contrary, social and linguistic processes become less and less manageable. The understanding of language and society becomes more complicated and demands new doctrines and innovative concepts, such as post-non-classical paradigm might conjure in. The author also takes into account the causes making standard language too flexible and changeable. The main cause of this process is an intent conditioned by certain communicative situation or by certain reasons to alter illocution of the utterances for representing identity, resulting in turn to more prestigious or more sophisticated language.

Keywords: sociolinguistics, post-neoclassicism, linguistic norm, language and ideology, language and globalization, language and culture.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Kartushina E. A. Linguistic norm in post-non-classical studies and the runaway world theory // *Liberal Arts in Russia*. 2018. Vol. 7. No. 1. Pp. 11–19.

References

1. Alpatov V. M. *Profil' yazyka: sotsiolingvistika, natsional'noe var'irovanie, perevodovedenie, kontrastnaya stilistika: Sb. trudov k 90-letiyu so dnya rozhdeniya A. D. Shveitsera*. Moscow, 2015. Pp. 21–29.
2. Bogdanova-Beglaryan N. V. *Verkhenevolzhskii filologicheskii vestnik*. 2015. No. 1. Pp. 25–30.
3. Belikov V. I. *Aktual'nye voprosy teoreticheskoi i prikladnoi fonetiki: Sb. statei k yubileyu O. F. Krivnovo*. Moscow, 2013. Pp. 465–466.
4. Valentii T. V. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*. 2005. No. 2. Pp. 78–87.
5. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Yazyk i kul'tura: lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo: Metodicheskoe rukovodstvo. 4 ed. [Language and culture: Linguistic country studies in teaching Russian as a foreign language: Methodological guidance. 4th edition]*. Moscow: Russkii yazyk, 1990.
6. Gurevich P. S. *Filosofiya i kul'tura*. 2015. No. 1. Pp. 7–11.
7. Dokuchaeva R. M. *23-ya godichnaya sessiya Uchenogo soveta Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. Sorokina (Fevral'skie chteniya): Sbornik materialov*. Pp. 270–273.

8. Zagorskaya O. V. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. **2016**. Vol. 2. No. 2(271). Pp. 159–167.
9. Ivanova N. S. *Teoriya i praktika inostrannogo yazyka v vysshei shkole*. **2016**. No. 12. Pp. 61–69.
10. Kapusheva A. M. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. **2017**. No. 3. Pp. 189–195.
11. Kirilina A. V. *Gorizonty sovremennoi lingvistiki: traditsii i novatorstvo: Sb. v chest' E. S. Kubryakovoi*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, **2009**. Pp. 65–75.
12. Krongauz M. A. *Slovo za slovo. O yazyke i ne tol'ko [Word by word. Talking about language and other matters]*. Moscow: Delo RANKhiGS, **2015**.
13. Krysin L. P. *Russkii yazyk v shkole*. **2008**. No. 7. Pp. 77–80.
14. Laletina A. O. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. **2011**. Vol. 153. No. 6. Pp. 219–226.
15. Mozheiko M. A. *Filosofiya nauki*. **2016**. No. 7. Pp. 80–95.
16. Oparina E. O. *Chelovek: obraz, sushchnost'*. **2017**. No. 1–2. Pp. 173–184.
17. Skachkova I. N. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. **2015**. No. 2(97). Pp. 98–104.
18. Skorokhodova V. Yu. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*. **2008**. No. 4(60). Pp. 252–262.
19. Stepin V. S. *Voprosy filosofii*. **2003**. No. 8. Pp. 5–8.
20. Sytsina-Kudryavtseva A. N. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*. **2011**. No. 2. Pp. 92–98.
21. Ter-Minasova S. G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Language and intercultural communication]*. Moscow: Slovo, **2009**.
22. Shabaeva T. N. *Voprosy natsionalizma*. **2016**. No. 2(26). Pp. 95–99.
23. Shtain K. E., Petrenko D. I. *Yazyk. Yazykoznanie. Ideologiya: ot sotsializma k rossiiskomu kapitalizmu*. Rostov n/D.
24. Chebotnikova T. A. *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki: Mat-ly mezhdunarodnykh nauchno-prakticheskikh konferentsii nauchnoi sessii. XVII Nevskie chteniya*. **2016**. Pp. 75–79.
25. Giddens A. *Taylor and Francis*. **2003**.

Received 08.02.2018.